

ЭССЕИСТИЧНОСТЬ. В конце 1890-х, в период захваченности религиозной проблемой *пола*, Р. переходит от философских трактатов и статей к Э. повествования. Таковы эссеистические записи этого периода: «Эмбрионы» («Религия и культура». СПб., 1899; Г. 1900. № 14, 16–18), «Новые эмбрионы» («Религия и культура». 2-е изд. СПб., 1901), «Из записной книжки русского писателя» (ТПГ. 1899. № 32, 37, 40; 1900. № 2, 6, 10, 17), «Попутные заметки» (НВ. 1899. 9 апр.), которые Р. задумывал издать *книгой* под названием «Эмбрионы». К эссеистическим записям этого *времени* можно отнести «Афоризмы и наблюдения» (РО. 1894. № 10–12), «Афоризмы» (РТ. 1898. № 5, 8), «Думы и впечатления» (НВ. 1900. Март–май), «Заметки на полях непрочитанной книги» (Северные Цветы на 1901 год. М., 1901). Эти записи Р. отличал от «Уединенного» и «Опавших листьев»: «Это нужно издавать в формате “Уединенного”, начиная каждый афоризм с новой страницы. Смешивать и соединять в одну книгу с “Уединенным” никак не нужно. “Уединенное” — без *читателя*, “Эмбрионы” — к читателю» (У, 315). Розановская Э. формируется в контексте западноевропейской и русской эссеистических традиций. Р. был знаком с «Опытами» (1580) М. Монтеня, благодаря которым эссе возникло как *жанр*. Вступление «Уединенного» близко монтеневскому обращению к читателю в его предисловии к «Опытам». Важным событием в формировании розановской Э. стало прочтение им «Мыслей» Б. Паскаля (СПб., 1889), в рецензии на которые Р. определяет главным критерием *литературы* не вымысел, а онтологическое выражение «духовной жизни человека» («Паскаль» // Человек. 2001. № 4. С. 84), что является основным принципом Э., в которой не человек

обосновывается через жанр, а жанр обосновывается индивидуальностью — неповторимостью *стиля* определяется неповторимостью личности автора и его жизненного опыта: «Синтез духовной организации писателя и его судьбы <...> психическая настроенность звучит в каждом его слове, проникает всякую его мысль, кладя на них своеобразный оттенок» (Там же, 85). Р. подчеркивает эссеистическую непосредственность книги «Мысли»: «Нравственно-религиозные *истины*, в ней содержащиеся, шли из самой глубины сердца ее творца, были плодом всего его душевного развития. Почти не нужно сожалеть, что она не была доведена до конца, приведена в порядок и обработана. Эта обработка, наложенная разумом, это приведение в связь и сопоставление слов, так невольно и мимолетно вырвавшихся, не могло, придавая стройность целому, не отнять свежести у частей» (Там же, 97). Из русской эссеистической традиции следует выделить столь важный для Р. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, с его эссеистической исповедальностью. По воспоминаниям Э. Голлербаха, Р. ценил эту книгу и никогда с ней не расставался (Голлербах, 44). Р. считал, что в «Дневнике писателя» Достоевский создал «новую, своеобразную и прекрасную форму литературной деятельности, которой в *будущем*, во все тревожные эпохи, вероятно, еще суждено будет играть великую роль» (ЛВИ, 14). «Субъективнейшую форму» «Дневника писателя» — «беседы ли с собою или <...> обращения к окружающим» Р. воспринимает как форму всего *творчества* Достоевского в целом (ЛВИ, 280). Свой эссеистический *цикл* «Из записной книжки русского писателя» Р. спустя время называет (в духе Достоевского) «Из дневника писателя» (У, 315). Э. розановского *сознания* проявляется в понимании в 1909 исчерпанности, недостаточности художественных жанров (с их искусственностью, условностью, построенностью) и актуальности документальной, личностно выраженной формы: «Более и более пропадает интерес к форме литературных произведений, как некоторому искусственному построению, условно нравящемуся в данную эпоху, и нарастает интерес к *душе* их <...> Литература и *история* литературы ранее или позже разложится на серию типичных личностей данной нации, как бы говоривших перед *Богом* и человечеством от *лица* этой нации; сказавших исповедание я. Но сказавших это исповедание не в формуле, не “в *символе веры*”, а скорее в совокупности мотивов этой веры и потому пространно, отрывочно, сложно» (ОПП, 430). Принципы Э. преломляются в розановской оценке документального жанра *письма*, которое отражает в своей непосредственности «ту душевную, внутреннюю мысль автора, с которой он писал свое произведение»: в отличие от «великолепной» литературы, «где авторы раскрашивают себя перед читателями, приписывают себе мнения, каких на самом деле не имеют или не очень их имеют; притворяются равнодушными к тому, что на самом деле горячо любят, и заинтересованными в том, к чему на самом деле равнодушны», в письмах, написанных «впопыхах, среди дела, и о которых большею частью автор через полчаса забывает», «его личность вдруг встает вся, и притом “как есть”» (ОПП, 430–431). Основным принципом розановской Э. является личностное, непосредственное восприятие, переживание и выражение: «Вот я передал все, что мне пришлось о нем

узнать и как его видел» (ОПП, 553). Это вытекает из принципиальной для Р. установки на воплощение в литературе бытийного опыта. Так, Р. пишет о себе: «Сполна все его лицо перешло бы в “литературу”, сполна все бытие улеглось бы в “литературу” <...> “вся его жизнь” и вся его “личность” перешла, естественно и неодолимо для него самого, в “написанное им”» (СХР, 225–226). Р. считал самым важным передать «совершенно добро-совестно» свежее впечатление первого взгляда, из чего «может проистечь польза или “кое-что”» (СХ, 128–129): «В живом впечатлении выражается вся суть литературы и вся ее значительность, гораздо важнее, чем все мысли “потом”, и вообще все, что “потом”. “Потом” уже зависит от нас, от богатства или бедности нашей души» (ОПП, 300). Э. розановских текстов заключается в непосредственной фиксации переживания впечатления, самого потока сознания личности в его текучести и незавершенности: «Вместо рассуждения о Некрасове мне хочется что-нибудь рассказать о Некрасове. И не о нем, собственно, а о том, как мы переживали его, — рассказ, который самому покойному поэту был бы наиболее из всех занимательным» (ОПП, 244); «едва я сел и перо в руках, как мысли (*чувства*, идеи, слова) льются, льются, пока не прекращу и встану, “позвали к обеду” и “вошли в комнату”» (СХР, 225). Стремление выразить опыт личностного переживания обуславливает онтологические черты розановской Э.: документальное повествование «здесь и сейчас»; присутствие в повествовании *голоса* автора с присущими для него *интонациями*, выражающими его личность; ассоциативность; диалогичность (внешнюю и внутреннюю); принципиально открытый, незавершенный финал.

А.А. Медведев